

Yuri Slezkine

The House of Government:

A Saga of the Russian Revolution

Princeton (NJ): Princeton University Press, 2017

“Долой кухонное рабство”¹ — лозунг с советского плаката Григория Шегалья 1931 года (плакат теперь часто встречается на ностальгических открытках). Женщина в красном распахивает дверь из комнаты с черными стенами. Через комнату протянуты веревки с бельем, в углу паутина; женщина в синем платье и фартуке стирает в огромном корыте. А за дверью простирается ярко освещенный мир, мир “нового быта”, который плакат и рекламирует, — огромное здание из стекла и бетона в стиле конструктивизма. Вдалеке на шпилье развевается красный флаг. На здании огромными буквами написано “столовая”, “фабрика-кухня”, “ясли”. За окном видны аккуратные ряды запеленатых младенцев в колыбельках, а перед зданием на солнышке спортивного вида женщины в белых шортах играют в мяч или отдыхают в шезлонгах. Как и многие раннесоветские плакаты, фантасти-

ческий образ, который выстраивает Шегаль в пропагандистских целях, на самом деле напоминает традиционную православную иконографию. Женщина в красном стоит в той же позе, что и Христос на иконе Воскресения, освобождающий души от пут зла и ведущий их к райскому свету.

“Мы занимаемся оформлением нового быта, — писал один советский архитектор 1920-х годов, — а где же этот быт? Его нет. Он не создан”². Утопическое здание на плакате Шегалья сильно напоминает построенный в том же 1931 году московский “Дом правительства” — бетонное воплощение большевистской мечты о “новом быте”. Это здание, теперь широко известное как “Дом на набережной”, стало местом действия и центральной метафорой масштабной “саги о русской революции” Юрия Слезкина. Возведение дома для членов советского правительства

¹ Рецензия Рэчел Полонски опубликована в журнале Standpoint (См.: POLONSKY R. *Home from home for the Bolshevik elite* // Standpoint. 2017. July/August. URL: <http://www.standpointmag.co.uk/node/6887> (доступ 31.10.2017). Публикация русского перевода осуществляется с любезного разрешения редакции Standpoint'a.

² См.: ХАН-МАГОМЕДОВ С. *Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы*. М.: Стройиздат, 1996. // Архитектор Павел Алешин. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_070.html (доступ 19.10.2017).

в первую сталинскую пятилетку совпало со строительством нового социалистического государства. Гигантское сооружение было воздвигнуто через мост от Кремля, на другом берегу Москвы-реки на территории осушенного болота. В этом доме, построенном по проекту архитектора Бориса Иофана, разместились 505 меблированных квартир для семей большевистской элиты; а также кафетерий, продуктовый магазин, банк, клиника, тренажерный зал, теннисный корт, парикмахерская, библиотека, детский сад, почта и два театра. В то время это было самое большое жилое здание в Европе, “общежитие, — пишет Слезкин, — в котором государственные чиновники жили как мужья, жены, родители и соседи; место, ставшее домом для революционеров и могилой для революции”. Предполагалось, что Дом окажется под сенью гораздо более грандиозного монумента социализма, Дворца Советов, который предстояло соорудить — также по проекту Иофана — на противоположном берегу Москвы-реки на месте храма Христа Спасителя, построенного в XIX веке и взорванного в 1931 году. Дворец Советов должен был стать официальным поприщем для обитателей Дома правительства, сердцем новой Москвы, “последним чудом света, — пишет Слезкин, — башней, достигающей небес не из гордыни, а в ознаменование победы; башней, которая собрала рассеянные по Земле языки воедино”. Яркая метафора всей революционной мечты так и не поднялась выше ямы для фундамента.

Слезкин назвал “Дом правительства” сагой, потому что по своей структуре его книга похожа на роман: “документальный эпос с множеством героев, мотивов и уровней реальности, пересекающихся и сосуществующих во времени (на протяжении жизни нескольких поколений)”. Контрольный экземпляр “Дома правительства”, который я читала (в нем не было библиографии и алфавитного указателя), насчитывает 1229 страниц (*К моменту публикации рецензии книга опубликована, в ней 1128 страниц — Прим. ред.*) Несмотря на внушительный объем, эту книгу стоит прочесть от корки до корки. Блуждая по коридорам Дома правительства, следуя за бесконечно переплетающимися семейны-

ми историями большевиков, читатель сможет ощутить — насколько это возможно с далекого расстояния — бурление революционных страстей, ледящих душу, невероятных и ошарашивающих. Эрудиция и мощное историческое воображение Слезкина погружают нас в самое сердце противостояния между повседневной реальностью большевизма и его миллениаристской метафизикой.

Прежде чем погрузиться с головой в страницы “Дома правительства”, читателю следует заглянуть в конец, где Слезкин приводит частичный алфавитный указатель квартиросъемщиков с подробным указанием их официальных должностей и прочих занятий, а также некоторых членов их семей, которые жили с ними в Доме правительства. Там есть Александр Аросев, военный лидер большевистского восстания в Москве и “автор дневника, мемуаров, романов и рассказов”, живший в квартирах 103 и 104 с женой (учительницей танцев) и тремя детьми. Рядом с ним Матвей Берман, обитатель квартиры 141 и начальник Гулага. Никита Хрущев занимал квартиры 199 и 206. Молодая вдова Николая Бухарина, Анна Ларина, проживала в квартире 470 вместе с сыном Юрием, который родился в 1936 году и стал известным художником-акварелистом. Чекист Сергей Миронов, которого Слезкин называет “одним из самых продуктивных палачей в русской истории”, тоже жил в Доме с женой-модницей Агнесой Аргиропуло и приемной дочерью. Из воспоминаний Агнессы мы узнаем, что Миронов был нежным и любящим супругом. Она вспоминает, как на пике Большого террора второй половины 1930-х годов “в нашем Доме правительства ночи не проходило, чтоб кого-нибудь не увезли”. Но ей нравилось жить там семьей среди других семей. “Уж очень нам хорошо жилось! — пишет она. — Мироше нравились его новые обязанности”. Андрей Свердлов, демонический сын революционера Якова Свердлова, вырос в квартире 319 и стал агентом НКВД. Андрей с раннего детства был знаком с Анной Лариной, они росли рядом. “У нас были схожие биографии, — вспоминает Ларина, — оба мы были детьми профессиональных революционеров. У обоих отцы успели умереть своей смертью;

оба мы в одинаковой степени были верны советскому строю”. Вскоре после показательного процесса и казни Бухарина ее арестовали, и Андрей лично допрашивал ее на Лубянке. Слезкин афористичный, метафорический и подчас пророческий. Он свободно соединяет социальную, политическую, интеллектуальную и литературную историю со сравнительной антропологией, проводя яркие межкультурные сопоставления. Слезкин родился в Москве, в 1980-е годы эмигрировал и поступил в аспирантуру в США, где его руководителем была Шейла Фицпатрик, автор множества трудов, влиятельная фигура в сфере социальной истории. Его ранние работы были посвящены этнической идентичности и национальному вопросу в советской истории. В статье 1994 года “СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность”, которая в свое время вызвала много споров, он поставил под сомнение сложившийся в период холодной войны взгляд на СССР как на группу “порабощенных народов”.

Известность за пределами академических кругов Слезкину принесла блестящая и провокативная книга “Эра Меркурия. Евреи в современном мире” (2004), история преимущественно российских евреев, в которой он описал последствия их массового переселения в Палестину, США и революционную Москву. В “Эре Меркурия” можно разглядеть замысел будущей истории Дома правительства, поскольку многие из его обитателей были евреями, которые, как объясняет Слезкин, составляли значительно более высокий процент советской элиты по сравнению с другими этническими группами и преобладали в ее “культурном контингенте”: “как правило, они были поэтами, пророками и пропагандистами”.

Аналитическое ядро книги Слезкина — это его определение большевизма как апокалиптической миллениаристской секты. С его точки зрения, это широкая категория, в которую следует включить как Мюнстерских анабаптистов XVI века, “Ветвь Давидову” из Уэйко, штат Техас, так и “христианство, ислам, мормонизм и бесчисленные иные верова-

ния”. Революционеры-большевики, маленькая группа, почти полностью состоящая из мужчин, верила в пророчество марксистско-ленинского исторического детерминизма и готовилась к апокалипсису, веря, что конец света наступит еще при их жизни. Светский миллениаризм большевиков вырос из глубоко апокалиптической культуры предреволюционной России. “Идет же он, настоящий день, — писал Яков Свердлов своей юной подруге в 1904 году. — Идет шумный, бурливый, сметающий по пути расслабленное, хилое и старое... Близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...” В 1918 году Свердлов был в числе небольшой группы людей, которым Ленин доверил исполнить приказ об убийстве Николая II и его семьи.

“Дом правительства” опирается на огромное количество архивных источников, от дневников, любовных писем и детских альбомов до материалов Управления московского губернского инженера и распорядка дня санаториев, в которые измученные большевики уезжали, чтоб восстановиться после нервных срывов, вызванных усилиями по построению рая на земле. Из таких разнообразных источников выстраивается захватывающая история эмоций, выраженных в самых разных формах привязанности, счастья и радости, переходящих в страх, невроз, ярость — и содрогание, в которое повергают нас пронзительные слова ложных признаний заключенного Бухарина и его мольбы к “дорогому другу” Сталину: “Пишу тебе... как настоящему родному, которого даже во сне вижу...”.

По страницам “Дома правительства” разбросаны архитектурные планы, фотографии зданий, людей и произведений искусства, например совершенно поразительные рисунки юного вундеркинда Левы Федотова, сына инспектора Наркомзема, или цикл графических работ Евы Левиной-Розенгольц, проведенной семь лет в сибирской ссылке. “Кажется, что фигуры людей у нее выходят из ада молчаливого отчаянья в чистилище, переполненное душами, у которых нет ни возраста, ни пола, ни имени, — пишет Слезкин. — Некоторые умоляют о пощаде или молятся; большая

часть покорно ожидает приговора, каким бы он ни был”.

Почти все герои книги, от безжалостных массовых убийц до чиновников городского планирования и сферы культуры, бесконечно читали: “запойные читатели”, называет их Слезкин. Литература играет главную роль в его интерпретации событий. Вымысел и факты переплетаются. “Это историческое произведение, — как будто бы сухо пишет он в предисловии и тут же добавляет: — Любое совпадение с вымышленными персонажами, живыми или мертвыми, совершенно случайно”. Слезкин создает новый контекст прочтения двух величайших прозаиков раннесоветского периода, Исаака Бабеля и Андрея Платонова: “Платонов, Бабель и их герои стремятся «притянуть небо к земле», но терпят крах и страдают от этого”. Длинный эпилог Слезкина к “Дому правительства” — это лирическая дань памяти писателю Юрию Трифонову, сыну казацкого комиссара, исчезнувшего в чистках 1938 года. Юрий жил в Доме правительства и стал его летописцем в художественной прозе.

“Дом правительства” — это книга о вере и утрате веры: “Революции не пожирают своих детей; дети революции пожирают революцию, как это бывает во всех миллениаристских экспериментах”. Большевикам не удалось реформировать или отменить семью, к чему всегда стремились миллениаристские секты. Вместо этого большевики воссоздали в Доме правительства домашний обиход ста-

рого мира с его деревенскими нянями, уроками игры на фортепиано, скопищем ненужных вещей, любовью до гроба и полками во всю стену, уставленными классикой мировой литературы.

В том, как страстно дети большевиков любили читать, Слезкин находит интересное и парадоксальное объяснение того, почему “советский век не продлился дольше одной человеческой жизни”. Одна из ошибок большевиков, утверждает он, заключалась в том, что они позволили своим подрастающим детям читать не Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, а Пушкина, Гоголя, Толстого, Диккенса и Бальзака. Благодаря их книгам дети, родившиеся в 1920–30-е годы, отправлялись в воображаемое путешествие в прошлые века и иные страны, подальше от Дома правительства. Эти книги объединял их “антимиллениаристский гуманизм”, пишет Слезкин. Они были “глубоко антибольшевистскими, в особенности та, которую они считали самой лучшей: «Война и мир»”, в которой “все правила, планы, великие теории и исторические объяснения оказываются тщеславием, глупостью или обманом. <...> Смысл жизни был в самой жизни”. “Дом правительства” — это величественное здание науки и исторических прозрений. Смысл этой книги в том, чтобы прочесть ее до конца.

Рэчел Полонски